

К Н И Г И
Франка Тилье

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Лента Мёбиуса

Переломы

Синдром Е

GATACA, или Проект «Феникс»

Головокружение

Атомка

Головоломка

Страх

Пандемия

Сновидение

Шарко

Последняя рукопись

ФРАНК ТИЛЬЕ

ПОСЛЕДНЯЯ
РУКОПИСЬ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Шолмс. Видите ли, Вильсон, мы недооценили Люпена. Придется начать все сначала.
Вильсон. А лучше еще раньше.

Морис Леблан.
Арсен Люпен против Херлока Шолмса

Предисловие

«Прежде всего только одно слово: меченосец...»¹

Так начинается книга моего отца, Калеба Траскмана. Я обнаружил папку с его рукописью на чердаке, куда он имел досадное обыкновение сваливать все подряд. Пачка листов формата А4 в полной сохранности уже с год валялась в куче хлама под слуховым окошком, из которого тем летом лился мягкий свет северного солнца. Отец никому не сообщил о существовании романа, он работал над ним в одиночестве на своей огромной вилле с видом на море в течение десяти месяцев, когда мою мать медленно пожирали в больнице болезнь Альцгеймера.

Он не завершил истории, относящейся неизвестно к какому времени. Однако мне кажется, что этой почти пяти-сотстраничной рукописи недостает всего какого-то десятка листов. Само по себе мелочь, но катастрофа для литературного жанра, в котором блистал отец, чьи триллеры приводили в трепет сотни тысяч читателей. И сейчас я, без сомнения, держал в руках один из его лучших романов. Лихо закрученный, запутанный, погружающий в атмосферу тревоги и страха. Один из самых черных. История этой писательницы, Лин, сделанной из того же теста, что и мой отец, покорила меня и напомнила, насколько точно книги отца отражали его глубинные тревоги и самые жуткие на-

¹ Издатели и переводчик этой книги выражают глубокую благодарность Игорю Марахову за помощь в создании русского варианта головоломки, придуманной Франком Тилье.

вязчивые идеи. Я думаю, он примирился с самим собой, только когда изливал свой страх на бумагу. А уж страха в этом романе было предостаточно — слово Траскмана.

«Ну и чем же он кончается? — спросите вы. — Где финал, в котором все должно разрешиться, черт побери? Почему Калеб Траскман, король интриги и великолепных развязок, не дал нам ответов на поставленные им же самим в романе вопросы? Почему не довел до конца свою семнадцатую книгу?»

Я мог бы думать, что он забросил работу в связи с кончиной моей матери, отложил незавершенную рукопись, возможно уже зная, что через три месяца пустит себе в лоб пулю из полицейского оружия. Или же он попросту не сумел закончить историю. Да, я мог бы так думать, но некоторые детали в тексте убеждали меня в другом. Подсказывали, что отец с самого начала знал, что не допишет роман. Как будто само отсутствие концовки составляло часть интриги, «загадку Калеба Траскмана». Последний блестящий мастерский ход перед смертью.

И все же скептически настроенные читатели усомнятся: к чему сочинять книгу, не имеющую конца? Зачем тратить целый год жизни на строительство дома, зная, что вы никогда не подведете его под крышу? Сейчас, когда я пишу эти строки, загадка по-прежнему требует решения, однако это, скорее, дело личное.

Когда бессменная издательница отца Эвелина Леконт узнала о существовании рукописи, от радости она аж подпрыгнула до потолка. Однако, прочтя книгу и поняв, что интрига сводится к искусному трюку, но лишена самого главного — его разоблачения, впала в глубокое отчаяние. Немыслимо публиковать посмертный роман Калеба Траскмана без свойственной его произведениям блистательной концовки, хотя, могу предположить, что множество читателей с жадностью набросились бы на новую книгу.

И тут настала пора выдвижения самых разных предположений и самых противоречивых идей, призванных решить отцовскую головоломку. Мы неделями корпели над

этой загадкой в парижских кабинетах, устраивая мозговые штурмы. С десятков знатоков усаживались вокруг стола, чтобы снова и снова перечитывать рукопись, вылуцивать каждую фразу с единственной целью — понять, почему Калеб старательно выделил палиндромы, почему в этой книге столь заметно его пристрастие к цифрам.

В моменты непонимания и сомнения мы молча сердито переглядывались. Особенно мы заикнулись на первой фразе романа: «Прежде всего только одно слово: меченосец...» К чему она? Каков ее подлинный смысл? Поверьте, в издательстве не осталось никого, кто не знал бы о том, что меченосец — это пресноводная тропическая рыбка, получившая свое название из-за формы хвостового плавника. Теперь и вы в курсе, верно?

И вот однажды Эвелина, зная моего отца больше тридцати лет, предложила решение.

РЕШЕНИЕ.

Она наконец нашла ключ, выявила неумолимый механизм изошренного воображения моего отца. На самом деле Эвелина предложила вполне очевидную концовку, все детали красовались перед нашими глазами с самых первых слов романа (и до последних). Однако доверенную в хорошие руки очевидность как раз труднее всего заметить. Именно в этом и проявился гений Калеба Траскмана.

Теперь оставалось лишь сформулировать концовку, и тут все взгляды обратились на меня. Я не обладаю талантом своего родителя, однако все же унаследовал толику его дарования, а потому пару лет назад опубликовал парочку собственных незатейливых детективов. Ближе к концу романа вы обнаружите метку, указывающую, где за перо взялся я. Вы также обратите внимание, что на протяжении всей интриги мы оставили нетронутыми выделенные слова и некоторые другие важные элементы. Итак, сейчас вы держите в руках то, что прошлым летом оказалось в моих.

Осталось несколько мест, которые нам так и не удалось прояснить в процессе сочинения концовки, их нам пришлось выдумать. Теперь трудно узнать, к чему именно хо-

тел прийти мой отец и как он предполагал завершить эту историю. Что касается лакун, которые изначальный сюжет не позволил нам заполнить, мы были вынуждены делать выбор, принимать решения, каковые, возможно, не соответствовали тому, что имел в виду автор. Чтобы получить представление о сложности задачи, вообразите себе «Джонконду» без лица, которое поручено написать вам... В любом случае, надеюсь, моя концовка оправдывает ваши ожидания — я сделал для этого все, что мог.

Для того чтобы максимально сохранить замысел Калеба, до последнего слова соблюсти дух этой книги, требовалась именно та развязка, которую вы обнаружите в романе. В ней — если вы будете читать внимательно — содержится ответ на вопрос, который вы неизбежно себе зададите.

Ах да, вот еще что. Я думаю о самых преданных читателях Калеба, о тех, кто скептически отнесется к самому этому предисловию. Я так и слышу их рассуждения: это предупреждение написал сам Калев Траскман, он явно был бы на такое способен. Подобный ход является частью истории, а это наводит на мысль о том, что Калев сам придумал концовку, изменив собственную манеру письма. Думать так — ваше право, и я никогда не смог бы доказать обратное. Но в конце концов, какая разница. Роман — это игра иллюзий, все столь же правдиво, сколь и ложно, а история существует лишь в тот момент, когда вы ее читаете.

Книга, к которой вы вот-вот приступите (а может, уже приступили?), называется «Последняя рукопись». Это моя идея, и издательство единодушно ее приняло. Выбора не было.

Ж.-Л. Траскман

КАЛЕБ ТРАСКМАН

ПОСЛЕДНЯЯ РУКОПИСЬ

«Прежде всего только одно слово: меченосец...»

ПРОЛОГ

Январь 2014 г.

Зима. Изголодавшаяся, паршивая, беспощадная. Она приводила в уныние бегунов-любителей и сметала своим ледяным крылом все планы на наступивший год. Сара же, наоборот, видела в ней дополнительный стимул для тренировок. Близились департаментские соревнования по бегу на среднюю дистанцию, и она рассчитывала блеснуть на них.

Семнадцатилетняя лицеистка спрятала белокурые волосы под шерстяную шапочку в сине-зеленую полоску, натянула специальные спортивные перчатки, закрепила на предплечье нарукавный фонарь, сбежала по лестнице и заглянула в кабинет:

— Мам, я ухожу!

Никто не ответил. Ее мать наверняка бродила в дюнах или вдоль берега моря в поисках вдохновения для нового романа. Отец руководил строительно-реставрационными работами и никогда не возвращался раньше семи, а в последнее время и около десяти вечера. Все чаще случалось, что родители вообще не пересекались, а если и ужинали за одним столом, то не поднимая друг на друга глаз, молча, словно золотые рыбки в аквариуме. Вот почему Сара никогда не выйдет замуж. Она и сейчас не может вытерпеть парня больше трех месяцев, а уж девятнадцать лет в одной банке...

«Дарящая вдохновение» торчала среди дюн Отийского залива, на самом юге Берк-сюр-Мер. Это название, «Даря-

щая вдохновение», Сара считала идиотским. Но именно на этой вилле — развалине, купленной за небольшие деньги десять лет назад и в то время носившей имя «Роза песков», — Лин, ее мать, тогда школьная учительница, написала свой первый, имевший успех роман. Сюда можно было добраться по разбитой асфальтовой дороге, проехав метров триста от полосатой красно-белой вышки наблюдающего за побережьем маяка. Дом в англо-нормандском стиле в некотором смысле отмечал границу между человеческой цивилизацией и царством природы. Единственными его гостями были немногочисленные чайки, стайками прилетавшие посидеть на черепичной крыше, постоянно обдуваемой ветром с песком. Сара ненавидела этот забивающийся в любую щель, хлещущий по стеклам, оседающий на машинах мерзкий песок.

Она сделала селфи — ее смеющиеся глаза напоминали два огромных синих озера — и послала матери, добавив сообщение: «Ушла бегать». Потом оставила телефон на столе в гостиной и заперла за собой дверь на ключ.

Юная спортсменка миновала сарай, где хранились парусные тележки, и, пройдя по тропинке через дюны, вышла на заасфальтированную дорожку, связывающую залив с эспланадой.

Летом там было не протолкнуться среди гуляющих, которые приезжали сюда, в основном чтобы полюбоваться на поселившуюся здесь с незапамятных времен колонию тюленей и нерп. Но сейчас, в половине шестого вечера 23 января 2014 года в темноте, с трудом пробиваемой светом редких фонарей, маячили лишь призраки торговцев вафлями да привидения воздушных змеев.

Холод Сару не беспокоил, но она ненавидела межсезонье и мечтала лишь об одном — поскорее покинуть Опаловый Берег. Эти городки на краю света, обескровленные добрую половину года, ходили на прибрежные кладбища. Съездившиеся за металлическими ставнями рестораны и бары, жители, сидящие взаперти в своих четырех стенах,

где они напиваются или просто дохнут со скуки, пытаюсь согреться у камина. Настоящая богадельня. Ее родители — разумеется, главным образом мать, имеющая вполне приличный доход от переизданий, — собирались приобрести квартиру в самом центре Парижа. Обмен виллы среди дюн, в триста квадратных метров, на трехкомнатную квартиру на шестом этаже с видом на Эйфелеву башню Сару бы очень устроил. Впрочем, речь шла вовсе не о том, чтобы продать «Дарящую вдохновение», а всего лишь о возможности иметь пристанище в столице. Мать никогда не смогла бы сочинять свои истории про убийства и похищения, не имея перед глазами Северного моря. Между нею и ее домом существовала какая-то особая связь, как у старого моряка с его кораблем. Она была убеждена, что вилла приносит удачу.

Дурацкие писательские суеверия.

За полчаса Сара встретила лишь несколько теней, волочащихся за теньями своих собак. Усталые волны едва белели у дамбы. Берк относило в океанские пучины, словно тело мертвого кита. Когда мгlistый туман превратил ее лицо в ледышку, девушка решила повернуть обратно: стимул — это прекрасно, но она же не сумасшедшая...

Сара пробежала мимо флотского госпиталя — дивная декорация для фильма ужасов, миновала маяк, глянувший на нее своим единственным, как у циклопа, глазом. На площадке кемпинга, втиснувшись между лодочными ангарами и песчаными насыпями, все-таки стояли какие-то автомобили. Дрожащие за окнами домиков огоньки свидетельствовали о присутствии упрямов, вопреки трескучим морозам обосновавшихся на побережье. Сара представляла себе, как они, в своих теплых пижамах, тупо пялятся в телевизоры или бесконечно перекидываются в картишки, собравшись вокруг бутылочки красного вина.

Чтобы попасть на побережье Отийского залива, бегунья ориентировалась на голубоватое освещение фонарей. Девушка преодолела трудную сотню метров по мокрому пес-

ку в скудном свете своего нарукавного фонарика и в конце концов в густом тумане различила тусклые огни виллы, некое биение жизни в этом песчаном аду. Несмотря на несколько слоев одежды, колючий западный ветер пробирал до костей. Сара уже предвкушала, как будет наслаждаться, лежа с наушниками в горячей ванне и слушая «Нарру» Фаррела Уильямса.

Она взяла ключ на прежнем месте, вставила в замок. Но дверь оказалась не заперта.

— Мам, я вернулась!

Сара не заметила у себя за спиной тень, высоко занесшую над ней руку.

Сильный удар по голове. Боль.

И полная темнота.

Спустя полгода в ящике для писем виллы «Дарящая вдохновение» был обнаружен присланный по почте конверт с прядью, состоящей из пятисот двенадцати — ни больше ни меньше — волос. Полиция идентифицировала их как принадлежавшие Саре и связала событие с образом действий преступника, к настоящему времени совершившего четыре похищения и по-прежнему находящегося на свободе. Марка на конверте была погашена в Валансе, департамент Дром, в восьмистах километрах от виллы.

Лин и Жюлиан Морган больше никогда не видели дочери.

Спустя четыре года, декабрь 2017 г.

Едва отъехав от заправки, Квентин занялся лежавшим на приборной доске мобильником последней модели. Он попытался разблокировать его, но аппарат был защищен идентификатором отпечатка пальца. Он выключил телефон — еще не хватало, чтобы его обнаружили по геолокации, — бросил на пассажирское сиденье и повернул ручку радиоприемника. Вместо классической музыки, заполнив своей кислотой весь салон, с диска зазвучала песня рэпера Некфё «Nique les clones».

«Теперь я вижу одних только клонов, это началось еще в школе. На кого ты надеешься, чтобы выпутаться? Здесь все прикидываются, а сами мечтают о миллионе евро. Я же вырос, словно роза среди крапивы».

Роза среди крапивы. Именно так ощущал себя этот парень, непохожий на других, жаждущий вырваться из своей среды, страстно мечтающий сдать экзамены на механика, чтобы отремонтировать тачки. Он даже готов был жить под капотом «феррари», «порше», «Ауди R-8», потому что знал: ему никогда не сидеть за рулем таких тачек, как какому-нибудь богачу. Но город поймал его, обступил со всех сторон, поглотил, словно крапива, превратил в клон жульня. У него и водительских прав-то не было. Нищета обхватила его, как спрут. Стоит оказаться в его щупальцах, измазаться его чернилами — и уже не вырвешься.

Квентин вытер потный лоб, расстегнул молнию на дутой куртке и глянул в зеркало заднего вида. На дороге ни-

кого. Только повороты, тьма и смутные очертания гор. Несмотря на то что он только что совершил, Квентин чувствовал себя хорошо, спокойно, независимо. Ему нравилось это ощущение края света, вдали от бетонных стен, шума, криков женщин, избиваемых соседями по лестничной площадке. Очень скоро он покинет все эти гранитные громады и вернется в Эшироль, к своей убогой жизни. И будет дрыхнуть круглые сутки, потягивать косячки, бесконечно торчать за игровой приставкой. Вот вся пьеса о его жалком существовании. В трех актах.

Он покосился на банкноты, валяющиеся на пассажирском сиденье под «береттой» и телефоном. Маловато, конечно, но в один прекрасный день у него на кармане будет полно бабок. И он тоже уедет, как его отец. Только по другой причине. Он погладил крестик, свисающий на золотой цепочке с зеркала заднего вида, и улыбнулся. Бог наблюдает за ним.

За крутым поворотом его встретил голубоватый свет проблесковых маячков. Фары выхватили из темноты размахивающего люминесцирующей палочкой человека в оранжевом жилете. На парковке вытянулся длинный большегруз, его обследовала бельгийская овчарка с проводником.

Французская таможня.

Квентин чертыхнулся. Сделав «дело», он специально свернул с автотрассы и, чтобы избежать подобных неприятностей, ехал по извилистым горным дорогам. Он притормозил. Какого черта эти козлы забыли здесь, посреди парка Шартрёз, да еще в такой час? Таможенники — настоящие сволочи, они не довольствуются проверкой документов, им непременно надо перерыть все снизу доверху и вдобавок запустить к вам в салон и багажник свою поганую ищейку. В какую-то долю секунды он решил было развернуться, однако, учитывая узость дороги, ограждение и овраг, ему потребовалась бы уйма времени, чтобы свалить. К тому же таможенник, разумеется, его увидел и махнул своим жезлом, приказывая припарковаться на обочине.